

Ольга Климова

СЕВЕРНЫЙ ВЕТЕР

Роман

Ольга Климова
Северный ветер. Роман

«Издательские решения»

Климова О.

Северный ветер. Роман / О. Климова — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-504447-1

Действие происходит в наши дни в городе Калининграде и в Красноярском крае. Основная идея главного героя Георгия Гарина — создать проект по развитию северного туризма с центром в Норильске, к этому делу он привлекает друзей и семью.

ISBN 978-5-00-504447-1

© Климова О.
© Издательские решения

Северный ветер

Роман

Ольга Климова

© Ольга Климова, 2019

ISBN 978-5-0050-4447-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

«Синее небо, да солнца круг

Все на месте, да что-то не так»

Виктор Цой «Звезда»

Глава 1. Встреча

Предвкушение встречи густо наполняло салон небольшой машины, разливалось по чёрному полю за окном. Водитель источал флюиды радости прокручивал короткую мысль:

– Да, мы скоро увидимся.

Звезды на шёлке небес напевали песню встречи.

– Привет! И я вам рад, – помахал звездам, и хохотнул, и кашлянул, подавил смешок, держа руль на вытянутых руках. Звёзды ещё ярче светили, высказывая своё к нему расположение. От далёкого доброго свечения наполнялось тело теплом, а в голове шумело, кипело, булькало звуками кипящего чайника, или не выпался, или напоминал о себе какой-то забытый ушиб головы. Об ушибе осталось воспоминание, как мелькали перед глазами звёздочки и тепло, и душно было, как сейчас в машине. Гарин успел уснуть неприятным мгновенным сном, какой бывает в июльскую жару. Тут же проснулся, вовремя среагировал, крутанув руль влево.

Пролетел поворот, приближался к другому. Аэропорт направо – указывал дорожный знак.

«Быстрее бы». И это «быстрее» разгоняло машину на неприличную скорость.

«Димка что подельывает? Сидит, ждёт» – представлял Георгий, постукивая по рулю, как по клавишам. Звук как тогда, в армии, только стучали не пальцы, армейские сапоги, а бывало, что и зубы от холода.

Тогда он встретил настоящего друга. Молодые и смешные – два лысых солдата – Жорка и Димка, шли вместе два года из точки службы в точку дружбы.

Машина сбросила скорость. Скрытое туманом здание аэропорта, суета спешивших людей освежала привычку торопиться.

В аэропорту свершалось движение праздных муравьев. Эту роль весьма эффектно исполняли пассажиры. Ходили от киосков к сумкам, от сумок к напиткам, садились и снова дела. Трижды попив водички, проверив место в билете, осмотрев волосы на руках, разглядел узоры на белом потолке.

Когда всё это изрядно надоело, прислушался к голосам соседей, выделил их из общего говорящего, шуршащего, взывающего самолётами шума.

Мальчик в распугнутой курточке, и свёрнутой на бок от долгого ожидания шапочке, не по-детски серьёзно, но весьма пискляво вопрошал:

– Мама, мы куда летим? Мы в Москву?

Утомлённая мама хотела смотреться бодрой, ловя редкий шанс – съездить к матери во время «декрета», сыну отвечала вяло, размазано:

– В Москву, в Москву.

Георгий хотел в Норильск, где живёт чудесный друг, его семья, где хотел поменять многолетнюю дружбу, на дружбу молодую, вновь себя порадовать.

– Успокойся, жди спокойно, – тем же размытым голосом говорилось малышу. С завистью глядела мать на других сонных детей, что расселись на материнских коленях, отлежали во сне румяные щёчки. И там спокойный малыш, и там – Георгий вслед за усталой матерью путешествовал взглядом по залу, когда большая часть зала дружно поднялась, поклонилась, подхватив сумки, сделала общий рывок на посадку. Высокий, самый высокий Георгий, проскальзывая через группку людей, как по лабиринту прорвался вперёд.

Опередил стюардессу, поздоровался первым, устроился в кресле, пристегнулся, и ожидал взлёт.

Вместе с самолётом взлетели вверх пищеварительные внутренности, рывок, ещё рывок, лёгкое покачивание.

– Самолёт набрал безопасную высоту, – вещал пространству женский голос.

Внутренние органы вернулись в исходное положение. Самолёт завис в неопределённости, нежные волны облаков касались иллюминаторов.

Салон самолёта стал похож на большую гудящую комнату какого-то дома, где-то на земле.

– Я сам редко летаю, а самолёты люблю, – бойко начал Георгий беседу с соседом по месту. В груди щекотало предвкушение.

– Всё сказали? – оборвал его сосед с почти плоским лицом, обернулся ещё один человек, другие из передних и боковых рядов закосились на разговорчивого.

– Я спать собираюсь, – уточнил плосколицый, и другие глаза, что косились с других мест, подтвердили решение соседа.

Неуютный холод пролетел в самолете: кресла, кресла, коврики, чужие люди. Чужие будут спать и видеть сны. Просыпаться, есть, говорить, ходить.

«Что ж, будем все спать».

А за окном бесконечная синь, летят тучки. Поймать бы одну такую, лилово пухленькую, подложить под щёку. Уснуть с нежностью. Сосед храпел и дёргался, видел обрывки снов, приоткрывал веки. Георгий тихо уснул, смотрел во сне лица чужих соседей, почему-то все одинаково плоские.

После мягкой посадки умолк грохот двигателя.

Тишину украсило молодое морозное утро, оно встречало пассажиров, спускавшихся по трапу. Ветер севера, как вихрь жизни, прорывался под кожу. Это прогоняло последний короткий сон.

Пришлось не прыгать в конце ступеней. Прошлый раз, прыгнув в конце трапа, приземлился неудачно – сломал ногу. Прощай, безобидная привычка, ты никому не мешала.

– Хо, – бросил круглый звук в норильский воздух, побежал к такси, громко хлопнул дверцей, вызывая скверные чувства в умах таксистов.

«Мог бы и Димка встретить» – стараясь уже не хлопать дверьми с размаху, чтобы водитель не сжимался, как будто стреляют, на бегу думал. Дальше он держал пеший курс к кирпичному дому, к изрядно убитому крыльцу подъезда.

В ласково тёплой после мороза квартире встречала забавная морда собаки, в прихожей она лёжа кусала воздух, облизывала толстый нос розовым языком, похожим на волшебный цветок.

В воздухе клубились пары жареного цыплёнка, иногда сильно ударяли в нос чесночной поджаркой. Аромат витал в фиолетовом с золотыми горизонталями коридоре, плыл дальше в такого же цвета комнату.

В полумраке угловато крутанулась знакомая фигура. Это и есть персона армейского друга. «Ай-ай, дружище!». Его Георгий мгновенно поймал, придавил в объятьях, хотел приподнять до своего роста.

– Уронишь, дурила, восемьдесят пять кило мужского веса!

– А-а, здорова мужик! Он шлёпнул ладонями по тёплым сытым щекам.

Оба засияли армейской молодостью как пятнадцать или больше лет тому назад. Посмеялись, опустили руки.

– Проходи давай. Жена, встречай гостя!

– Ага, – послышалось из скворчашей пышущей кухни. Жена не появилась.

Пушистая собака заторопилась в кухню, подметая шерстью коричневый ламинат. Собачий хвостик, похожий на куриное перо, махнул и скрылся.

Подталкивая друг друга, как пацаны, протиснулись в зал. Собака, как засланная с проверкой прибежала к ним.

– Такая у нас квартира.

– Ого какая! Девочка. Георгий присел к показавшей остренькие клыки собаке. – Зверюга.

– Не-не, к ней не лезь. Не трогай, сказал! Ты как маленький. Она у нас нездоровая. Больная психичка.

– Кусается? Песик – псих, – гость заглаживал рукой шерсть, вылупляя карие псиные подозрительные глазки. – Как её зовут?

– Ну, психбольная собачка, – друг и сам слегка распсиховался, – зовут Армия.

– А – а-а, – сделал руки пистолетом, ладонь к ладони, вытянул указательные пальцы, прицелился в лицо Дмитрию. – Кто так психов называет, говоришь я маленький. Я маленький?

– Ты как маленький, – с упором на слово как, – дома Арми зовём, что такого, – друг стал шарить в карманах спортивных брюк.

Георгий отступил ногой на шаг и продолжал изображать прицел пистолета. Его зелёные глаза озарились тонкими морщинками улыбки.

Дима притоптывал на месте, сжав в карманах брюк большие сизые кулаки.

– Ты что думаешь, смешно? Мы к ветеринару ходим, лечим. Три раза в день прогулки. Три раза лекарство пропивали. Говорилось это метко и громко

Удивившись такой старательности, Георгий опустил мнимое оружие, повернул голову слегка влево, приподнял коричневые прямые брови, потёр нос и ничего не ответил больше, боясь окончательно расстроить хозяина.

Хозяин мелко покусывал губу и тряс сморщенным квадратным подбородком.

– Не обижайся, старичок, – похлопывая по руке, а в уме держал: пусть обижается, больше думать будет, человеком будет.

– Дима, всё готово, проходите, гости дорогие, – кричала жена. Её голосом слово «гости» походило на «кости».

– Ленка, привет! Один, кстати, гость.

– Курицу для тебя готовим.

– Да-да. Удачно приехал, ещё приеду.

Мелкую шутку никто не понял, шутника осудили молчанием, тревожным грохотом кухонных стульев.

Хозяйка расставила тарелки и так побежала из кухни, словно ей дали пинка для скорости.

– Что это она?

– Нормально, она всегда такая, – отвалившись на спинку стула не проговаривая окончания слов, ответил друг.

За окном на детской площадке бегали дети, не желавшие после уроков торопиться домой. Крики детей слились в общий гул, который Георгий называл «детский сад на прогулке». Оба

армейских товарища уставились в окно, на кричаще – галдящий рой, обнаружили, что бегают там всего три ребёнка.

– Умеют дети кипишь создавать!

– Жора, у тебя это тоже неплохо получается. Мы с Ленкой гадали – гадали, почему так Жорка к нам явиться решил. День рождения? Годовщина, какая? По какому празднику, Жора?

– Какой праздник? Георгий охладел к беседе, будто ждал, что не он, а ему расскажут смачно интересное объяснение присутствия в доме Крапивиных. – Я в командировке. Начинаю у вас новый туристический маршрут разрабатывать.

– Ты сам сюда захотел?

– Сам захотел. Я хочу новое направление, как бы назвать. Такой дружеский туризм. Проект, которым занимаются друзья – вот мы с тобой и жёны наши. И друзья встречаются, ну так в рамках проекта.

– Замысловатая затея.

– Главное дружеская не взаимовыгодная. Как друзья, не как партнёры друг другу помогаем.

Зная Георгия, друг смекнул, что помогать будет он.

– Ты рулить будешь?

– Так ты согласен?

– Подожди, я пока ничего не понял, не подписываюсь. Объясни нормально.

Гость повозил вилкой по тарелке, выловил из салата крупный помидор, стряхнул майонез, облизнул вилку.

– Что не вкусно, с пониманием спросил друг.

– Вкусно. Вкуснее, однако, чем в армии, воспоминания былого укрепили дружескую спайку. «Ну-ну, ну да», – говорили их взгляды, а лица кивали понимающе.

– Это же Канск. Ты помнишь ребят? Да, были годочки. Дмитрий ехидненько сам себе захихикал, вспомнив, каким худым был Жора. Эх, Жора – обжора. Ешь давай, и рассказывай.

«А-ха-ха, я знала, что он неспроста. Использовать нас решил, загнать работать на себя», – сделала вывод Елена.

Жена Дмитрия сидела за стенкой на диванчике, поджав под себя крепкую маленькую ногу, она вслушивалась в мужской разговор, кое-что пропуская мимо ушей.

– Можно где-то открыть или построить дом, я не решил пока. Думаю для того, чтобы ты и я, и другие друзья приезжали семьями. Дружить могли по-человечески. Не так, не урывками. Приехали как, и как в молодости. Как в армии. Дружить, как тогда дружили. Понятно, что жизнь другая и мы другие. А дружба та же.

– Казарма тогда, а не дом.

– Казарма, пусть казарма. Как хочешь называй. Ты понимаешь меня, веришь? Хоть что можно – мангал притащить, шашлыки жарить, – в глазах горела надежда на поддержку.

За столом потеплело. Дружеская спайка окрепла, наполнилась дополнительным смыслом.

– Давай, давай, почему нет. И что только делать там, в этом доме?

– Да ничего не делать, общаться.

– И если честно, сомневаюсь: это выгодно? Да?

В соседней комнате рухнул диван: Елена, раскладывая его для гостя, неосторожно уронила.

Дмитрий приподнялся, Георгий вскочил:

– Иди, жене помоги! Она тяжести роняет!

– Не лезь, туда, она переодевается.

Он ловил друга за гладкий пиджак. И не пускал, а тот стремился помочь.

– Да что я баб не видел!

– Ты, блин, Гошка! Не лезь, сказал!

В нарядном шёлковом халате из ткани «в большой цветок» в кухню вернулась хозяйка.

– Лен, Дим, так что, уже спать? Мы чуть-чуть посидели, – он помнил, только что видел школьников – резвунов на детской площадке под окном.

– Да нет, сиди ещё, я так, на будущее постелила, – сонным видом хозяйка напоминала, что пора спать. Её не поняли.

За окном темным – темно, свет в кухне мешал увидеть красавицу северную ночь.

– Дом друзей организуем однозначно тут, у вас на севере. Тут и Плато Пугорана, крутые склоны и уступы, и Северное сияние – там засветит, тут погаснет. Много чего посмотреть, и космос. С космосом любую тему связать можно. Вот... Космос и Гагарин. Галактики и звёзды, да хоть что. Я люблю космос, обожаю.

Позолоченная вилка с наколотым кружком копчёной колбасы взметнулась вверх, а потом мирно приземлилась на тёплый язык уже сытого рта.

В смежной комнате суетилась хозяйка. Она вытянулась в рост на диване, измерила, что гость гораздо длиннее, представила, как огромные волосатые ноги будут свисать. «И повисят, у нас не гостиница, и не отель.»

– Понимаешь мысль, Димка? Мы купим дом, да снимем его, дом, это не проблема. А ты ремонт в этом доме сделай, тебе поручаю. Он указал пальцем, кому именно поручает, но никого больше и не было. – Дружище, готовь дом для работы.

Дима заёрзал на стуле – в строительстве он профи, и выдал фантазийный ответ:

– А давай сделаем казарму. Дом в стиле казарма, – говорил растягивая, не улыбаясь и ждал реакцию на юмор. Подскочил к холодильнику, вспомнил про торт. Достал холодный жирный «Наполеон».

– А – ну. Ну давай, назовём казарма. Армия – это тема. Кровати в два яруса. Дневальный у входа. Да не, это слишком, махнул он, примеряя эту мысль к суждениям своей жены Кристины, которую встретил, когда служил в армии. Армия, Канск. Шестой месяц службы. Студёный ноябрь.

Гарин вспомнил жену, ему показалось, что спит, и что снится ему их встреча.

Вся в веснушках юная Кристина принесла в жизнь тихую душевность и грусть, только этого ему жизни и не хватало. Сладкие воспоминания крутились в мозгу. Он расслабился, потянулся, как будто выспался.

Второй раз открывая холодильник, друг обдал Гарина прохладным ветерком. Они говорили с Димкой до утра. Во сне вспоминал жену и сына.

В двухкомнатной уютной квартире, аккуратно прибранной, Кристина стояла за шторой, ногами прижималась к тёплой батарее, смотрела вдаль из окна. Что она хотела увидеть в дали прекрасного города? Муж, сейчас далеко – далеко. Без неё. Переживания ввели её в ступор. Достаточно долго стояла она на одном месте.

Недалеко от окна (так как вся квартира была небольшой) на довольно высоком пухлом диване сидела мама Георгия. Женщины дружили.

– Доча, хватит грустить. Хватит. Вернётся Жорка, живой и невредимый. Он же не на войну поехал, что там у друга станет, с мужиком, со взрослым тем более. Да и жена за имя присмотрит, – опираясь на ладони, покачивалась на диване, тянула слоги, и сама над своими словами посмеивалась.

«Чего это она как бабушка разговаривает, словечки старинные находит. Кто знает это её „за имя“. Я, конечно, понимаю, это значит „за ними“, моя бабушка тоже так говорила. Она знает, как говорила моя бабушка?» – Кристина перевела подозрительный взор на свекровь, та, невинная, покачивалась на диване, скрещенные калачиком ноги не доставали до пола. И вид её задумчивый и ничуть не хитрый. Свекровь блаженно улыбалась, глядя себе куда-то, в область пупка. Сидит себе ни о чём не тревожиться.

Крестину немного смутило безразличие тона мамы в ответ на честную грусть, но это его Мама, и кто и когда на неё обижался?

Мама почёсывала пальцами волосы в хвосте.

– Хорошо у вас, тепло. О-о-о, хорошо. Доча, ты не стынь у окна. А Жорка твой – прохвост, и отец его таким же был. Как говорится, мутит всё время. Что вымутит? Я не понимаю.

Она продолжала присматриваться к собственному животу, махнула по животу рукой, скидывая с одежды нечто невидимое.

– Он работает.

– Работает или мутит, а ты с пацаном устала, – напевала она как песню.

– Анна Ивановна, я не устала. Просто с Владиком заниматься надо много. Он сложный ребёнок.

– Много, доча, много. Ты правильно делаешь.

Теперь свекровь покачивала телом назад – вперёд, как будто едет в поезде. Мирно укачивала она размышления о сыне, от ритмичных покачиваний мысли получались спокойными.

Её внук, сынок Жоры Гарина Владик был глухим от рождения.

«Не больной мальчик, хороший и красивый, – выговаривала она сочувствующим соседкам, когда те называли ребёнка больным. – Не выдумывайте».

«Дети устают. Совсем я детям мало помогаю», – женщина прервала покачивания, встрепенулась:

– Крестин, давай я с Владей посижу, ты сходи до подружек.

– Да мне некуда! Нет, не хочу! У Владика скоро концерт. Ребёнку со сцены выступать. А я ходить буду. Что за мать? Ненормальная мать.

«А какая мать нормальная? Та, что сидит рядышком со своим чадушкой. Или такая, как Анна Ивановна – недосыгаемая, красивая. Такая была его мать молодая».

Мать Георгия работала всю жизнь бухгалтером. Среди её интимных привычек смолodu любимая была – красить губы ярко-розовым перламутром. И теперь, украдкой, зная, что уже не надо и ровно не получится, – подкрасилась, убеждая озорное отражение в зеркальце, что делает это в последний раз. Украдкой посмотрела на невестку, она на свекровь. В квартире поселилось молчание женских душ. Из второй, тёмной и тихой комнаты понеслось странное юное пение. Звуки и слоги то собирались в комочек, то разбрасывались по воздуху. Песня жила без слов. Горловое манящее пение, которое нельзя не слушать. Обе женщины переключили слух туда, в комнату юного музыканта. За окном нарастала вечерняя уличная суeta – ряды быстрых машин и одинокие пешеходы, шагавшие в сторону магазина.

Анна Ивановна оживилась, вспомнила, что припасла Владикy коржик, такие он обожает. Уплетает, только крошки летят. Отрыв коржик в большой, с вещами на каждый случай сумке. Со второй попытки подняла с дивана тяжёлое тело. Поочерёдно установила ноги на пол, получила твёрдую устойчивость на земле. Сутулясь, тяжело, брела в комнату внука, приговаривая:

– Давай, малыш, перекуси теперь. Довольная, протянула мальчику сахарную стряпушку.

Внучок рад, что песня получилась ладно и громко, и что бабушка такая родная и радуется в ответ. Он захрустел коржиком, посыпались на колени крошки песочного теста вперемешку с сахаром. Большие и мелкие кусочки. Бабушка сгребала кондитерский мусор с колен мальчика и складывала крошки на стол.

– Владик у вас молодец, – говорила она невестке уже в коридоре, собираясь уходить. Не включая в прихожей свет, с трудом натянула узковатые сапоги с весёлыми шнурками-кисточками. – Смажь ему на ночь горлышко, натри грудку мёдом с редькой. Берёшь редьку, врезаешь лунку, такую ямочку, ножом сверху проскребаешь, туда мёд, ложечку хватит, немного потряси. Хотя так смешаются. Редька сок пустит и он с мёдом – такая целебная сила. Я детей так лечила, и сына и племянников, все здоровые бегали.

– Да горло и не болело, и кашля нет.

– А ты смажь для профилактики. Надо же, мальчик так любит музыку!

Прошла ночь общая для всех и разная во времени. Утром на расстоянии тысяч километров от Норильска общались мама с сыном, за специальным столом для занятий. Специальный – потому что круглый. И крутится в разные стороны, и можно достать необходимые предметы – ноты, тексты песен и другие предметы, их куча, они помогали общению и обучению музыке.

Владик и Кристина готовились к концерту. Мама научилась дирижировать, не по настоящему, а как дирижёр мама, которую понимает только сын. Она делала взмах рукой, малыш начинал петь, легонько трясла пальцами, и он знал, что нужно не обрывать, а потянуть звук.

– Владик, пой громче, ну! – Кричала она губами и знаками.

– Здесь тише, тихо и долго, – мама сжимала губы, кивала.

Владик тянул звук, угождая матери, она улыбалась, он расслаблялся, получалось естественно.

Несколько по-другому получалось в театральной студии.

На занятиях в театральной студии Владик был скован. Никто кроме него не знал, как боится он пожилую уборщицу, которая в студии мыла пол.

Мама оставляла его в студии одного и в ожидании начала, он видел, как грязное железное ведро приближается ближе, ближе. Женщина что-то бормочет и наступает с ведром. Малыш дрожал, когда она кричала беззвучным ртом, устрашала глазами и тошными запахами: духок хлорки и грязи, как ядовитый газ, поднимался к носу Владика. Женщина вертела шваброй дальше, унося за собой страх в узкий тёмный коридор, ведущий в студию.

«Где же папа» – большой весёлый отец большими плечами или внутренним безразличием к любой опасности спасали сына от тревог.

Учитель музыки разводил в стороны пальцы у рта, требуя с Владика свободную улыбку. Грозил пальцем, если улыбка не получалась.

Глава 2. Начало северного туризма.

Свет и тишина давили на мозг, не успевший отдохнуть за короткую ночь. Первое северное утро светило жёлтым холодом. Разбуженный тишиной, Георгий пошевелил висящими с дивана ногами, ощутил все десять пальцев ног затекшими в две неподвижные висячие конечности, подтянул их к себе, ища опору. Волновали мысли – вчера туристический северный проект был таким реальным и совершенно понятным, сегодня душу бередили сомнения.

У кровати тихо скулила собака, разметав по ковру длинную белую шерсть. Торжественным золотом блестели стены комнаты. Без хозяев квартира стала скучной и пустой. Приятно, что есть хотя бы живой пёс.

«Хочет погулять», – так понял беспокойство собаки гость.

Застегиваясь на ходу, зацепил поводок за ошейник. Вместе с собакой вдохнули морозный жёсткий воздух. Дышать больновато.

Улица состояла из серых прямоугольников панельных домов, расставленных на потоптанном снегу.

Собака передвигалась на полусогнутых, непрерывно нюхала и искала, беспокоясь.

Георгий не замечал собачий поиск, погрузился в мысли, обмозговывал и рассуждал. Его мозг занят новым проектом. «Что такого в северных краях, чего никто не видел, как показать известное по-новому, чем удивить туристов. А главное, чем себя порадовать в этом проекте, иначе тоска зелёная».

Перед ним сгорбленный старик прощупывал палочкой несколько путь. Пожилой дрожал, серое старомодное пальто плохо согревало костлявое тело, на левую руку накручен пакет с эмблемой супермаркета. Собака заинтересовалась пакетом, потянула за собой Гарина.

Гарин мелко потрясывался, непривычный к холоду, ещё и с утра, не выспавшись, морозило жутко. Ему показалось, что со стариком они два дрожащих прохожих, и это их роднит.

– Отец, теплее одеваться надо, – они поравнялись, – давно тут живёте? А я гости приехал. Вы северное сияние видели? Так хочу посмотреть!

– — А? О, да, сияние. Так светит зараза, глаза слепит. Дедушка потёр красное веко. – Это на самом деле есть солнечный ветер, частицы космоса. Некоторые в обморок валятся, когда видят.

Старик тихонько наклонялся назад, изображал, как мог, падение. Арми уткнулась в его пакет носом.

– Солнечный ветер? Вы физик?

Стоять на месте было зябко и оба небыстро, глядя в снег, пошли.

– Я журналист. Сколько всего переснимал, статей переписал. Да, о космосе тоже писал. Ещё в театре работал. Ай, всё в прошлом. Сейчас так, старая развалина.

Арми истерично нюхала ледяной воздух, прерывисто дышала, скулила и вовсе не хотела продолжать прогулку.

Георгий ускорился, удивительно, что тощий старик шагал быстрее его, сворачивая он крикнул глухим голосом:

– Вам образцы собрать нужно! Вы космосом интересуетесь.

Ушёл, а слова всё ещё рассыпались на звуки, ветром залетая в уши.

«Раз-два, раз-два», – скрипели собачьи шаги по морозному снегу. Уже у подъезда вязанная шапка зацепилась за сук, отделилась от головы, повисла на ветке. Проходившая мимо полненькая блондинка засмеялась. «Образцы – это космические песчинки, – размышлял Георгий, сорвав с ветки и натягивая на лоб шапку, задеревеневшими от холода пальцами подсовывал под шапку чёлку, – Сириус – звезда ярче солнца, назовем проект „Сибирский Сириус“». Он ждал ответа от Арми, собака соглашалась, опуская морду вниз.

Недалеко гудела снегоуборочная машина. Деревья во дворе замерли сказочные от инея, кое-где торчали чёрные стволы, извивались пустые ветки.

Тонкий дедушка в старом пальто провалился в туман. Собака не зря спешила домой: кухня квартиры кипела, бурлила, спорила на языке кулинарной книги.

Втроём ели обед. Дмитрий почавкивал, громко прихлёбывал горячий чай из кружки. Елена скорыми угловатыми движениями прибирала со стола, под её руками гремели шкафы, звенела посуда.

– Потише нельзя? – Делал замечание муж.

Тарелка гостя опустела. Хозяюшка предложила добавочки. Гарин смеялся, махал руками, рассказывал о том, как однажды ездил в Тыву, возил туристов, и как ему приснился там дух гор. Смеялись хозяева, забыв о раздражении друг другом.

Всего два дня жизни в Норильске. Перетерпел ледяной ветер, начал привыкать к морозу. За 24 часа дневных часа надо проехать по маршруту, присмотреть объекты, обсудить с Дмитрием ремонт в Доме друзей. Где он кстати будет? «Нормалёк, всё успею».

Шёл по почти привычной, холодающей кожу стуже. Пока Крапивины работали – она ежедневно вела тренировки, он – художник-дизайнер, но судя по вони от одежды – сам малярил; Гарин пробежался по местным турфирмам, познакомился, нашел их работу удовлетворительной, но есть где размахнуться, непаханое поле северных красот и чудес. И красоток. И чудиков.

Вспоминая, какое произвёл впечатление на местных, бежал по широкой лестнице, вверх, хватаясь за округлые перила.

– Осторожно, – взвизгнул мужской фальцет откуда-то сверху, – Осторожно, покрашено.

Гарин поднял кисть, которой держался за перила. Нормальная розовая ладонь. Повернул к себе плечо другой руки – на рукаве жирно отпечталась зелёная стена.

– Главное вовремя предупреждаете, когда поздно уже,

Он расстегнул куртку, поправил небольшую тёмно-сиреневую бабочку, которую носил всегда вместо галстука.

– Я не виноват, что вас в стороны кидает, могли прийти и не обмазаться.

Голос спустился с лесов, где шла покраска потолка. Изобразилась тонкая хлипкая фигура рабочего.

– Извините, – развел он в стороны руки, тонкие, как веточки берёзы.

– У вас в Норильске все такие наглые? Давно маляришь?

Новый знакомый с обожанием уставился на сиреневую бабочку, закреплённую под белым воротником.

– Два дня. В подъезде раньше квартиры пустые стояли, теперь пять заселили, мы красим, порядок наводим. У вас такая бабочка! Ну-у-у, вообще класс.

– А да, мне она тоже нравится. Какие, говоришь, пустые стоят? И он уже смотрел на голубоватую дверь на третьем этаже, квартира налево. Почесал лоб под шапкой.

– Налево никого нет. Моя тётя её сдаёт, сама уехала.

– Вот тебя встретил удачно. Ладно, друг, извиняю. Беги за ключами, посмотрим хату.

– Но там бардак, – тоненький улыбался и ковырял большим пальцем эмульсионку на руке.

– И растворитель неси, – говорил, трогая пальцем сырую зелень на плече.

– Счас-счас, – тонкий спускался вниз, повернувшись телом к Георгию. – Меня Кузьменко зовут. Он прямо глазел на сиреневую бабочку.

– Не упади, Кузьма. Четверть часа тебе. Найди ключи, найди ещё работяг. И не таких дохлых...

Гарин медленно спустил ногу на следующую ступеньку, шагая по строительной пыли: было о чем теперь подумать: найдена квартира, займёмся изюминкой проекта. Художественное оформление – Димка подсобит, с душевностью Кристина поможет. Хорошо, когда есть друзья. «И чем так всем нравится моя бабочка? И не зря я её купил. Туроператорши тоже поглядывали».

– Фши-фши-фши, – шуршали шаги Кузьмы по ступенькам, скидывая обломки штукатурки.

Поздним вечером Георгий открыл дверь съёмной квартиры, вошел осторожно, как незваный гость. Разруха. Потрогал раздолбанные стены: старая штукатурка сыплется от малейшего прикосновения. Тем лучше, обдирай, ломай, делай что хочешь. Пахло подвалом, кошатиной. И чем ещё? Казармой? Электричество отключено. Фонариком посветил в потолок. Там красовалась большая, новая слитая из оттенков розового и персикового дорогая люстра.

Направил фонарь вниз. Вздрогнул. В полном безмолвии прямо на полу сидели человек пять-семь азербайджанцев. Не шевелились. Большинство в спортивных штанах и неглаженных толстовках, заправленных под резинки штанов. Фонарь хотел выпрыгнуть из рук, но Гарин с ним совладал. Посветил чуть в сторону. Горой сгружена свалка верхней одежды. Рядом с неяркой массой полинялых курток и шапок возвышался Кузьменко.

Гарин опустил фонарь, выдохнул:

– Кузьма, как ты напугал, вы что тут как жмурики в темноте.

– Не понял, а сами сказали, приходи и приводи друзей. Друзей у меня нет.

– Ну, а это кто тогда? Чего замерли?

– Но тоже испугались. Это работники, работу делать будем. Ремонт квартиры.

Гарин подумал, что друг Димка весьма обрадуется в кавычках такой строительной бригаде. «Друг, не забываем. Бюджет проекта ограничен.»

– Вполне симпатичные работники, сказал он вслух. И азербайджанцы пожилые и совсем юные и розовые разом ожили, зашевелились.

– Давайте знакомится!

По знакомому громкому смеху нашел Дмитрий закадычного друга. Тот травил анекдоты в компании азербайджанцев. И в голосе уже появился новый акцент. Он громко рассказывал, другие, послушав короткую байку – издавали общий гром смеха, на весь подъезд, по стенам, по перилам. Как только соседи не ругаются? Азербайджанцы ведут себя по-разному – одни хохочут от души, другие подозрительно присматриваются, к чему-то прислушиваются, третьи на рот сбоку капюшон тянут, когда смех сдержать невозможно, они подозрительно выглядят чёрными глазами.

– Вот мы где, друг-братан, дорогой. Мы с Ленкой девять раз звонили, она ужин сварганила, остывает. Тебя ищем.

Телефон действительно стоял на беззвучке, и ладно не до него было. Важные вещи обсудили. Повеселились. Люди топтались на ступеньках, то спрыгивая, то снова поднимаясь.

– Жорка, ты чудак с юных лет. Всё группуешься, с кем попало.

Я на тебя Ленке ещё, когда в армии были, жаловался. Ты несносный тип.

– Не попало и не с кем. Хорошие ребята. Знакомьтесь – это мой армейский друг. Компания перевела на Крапивина недоверчивые взоры.

За два часа до этих событий, по привычке во второй половине дня, Елена принялась за домашнюю уборку. Пересматривая документы, нашла письмо из армии, тогда долгожданное, тогда ей писал не муж ещё, а милый друг Дима.

Отложив стопку бумаг, присела на краешек дивана, читала, и пошла ходить – гулять – бродить в молодые годы незамужние.

Димочка молодой, по почерку видно – совсем пацан. Наивный, весёлый.

«Лена, привет! Как живешь? Мы рано встаём и поздно ложимся. Вчера чуть не упал на построении, проснулся, а разбудить забыли. В десять отбой. Жорка (я тебе про него писал) умудряется трепаться перед сном. Вчера говорил про девчонок, говорит, красивые. Но ты меня знаешь, я верный. У Жоры всё время дела, друзья. Он много ржёт. В выходной сходил в библиотеку, нашёл фантастику. Жора был на вечере в политехническом техникуме. Был всего десять минут, а трепался час. Отобрал мою книгу. Говорит, читать будем вслух. Оно мне надо.

Всё время хочу есть. Конфеты понравились, сало могли посвежей послать. Салфетка с твоим именем понравилась, лежит под подушкой.

Я тебя люблю. Твой Димка.

25.03.2000г.»

Дочитала и пошла плясать – кружиться по молодой любви. Как радовалась она апрельским прогулка с добрым коренастым пареньком, как ждала его писем, как старалась ему нравиться. И не спала всю ночь перед возвращением из армии. Стояла и смотрела в горизонт на бесконечные розовые дали и ждала жизнь новую, ещё свободней и интересней.

Она вновь сложила листок в полоску, погладила по сгибу. И отложила, смешала с остальными бумагами. Вернулась к образу Крапивина теперешнего.

– Ух, не могу их терпеть, придурков. Письмо любимой девушке называется. Про меня ни слова.

После уж очень позднего ужина каждый в этой квартире уснул с привкусом недовольства другими людьми, с которыми только-только перестал общаться. Хозяин квартиры раздражён невежливостью жены, весь вечер отправлял ей гневные взгляды. Она бурчала на мужа, отвечала грубо, и с гостем грубо разговаривала. И она всё видела, как муж не доволен, и как на неё смотрит, и как бы не понимала, дурочку из себя строила.

Жена задремала недовольная мужем, что никакого ей внимания, а только упрёки, и с другом они ведут себя, как самые близкие люди на земле, а она как соседка какая-то, прислуга в доме. И он такой с молодости, только о себе заботится. Зачем ему жена.

Гость не так, чтобы сильно недоволен, но отмечал, про себя усмехался: «Вот так семейка, заметно, они крысятя друг на друга. Ой, как они крысятя. Если я такое со своей женой

замечу, сразу разведусь. Или не сразу», – не додумав как быстро он разведётся, отключился сном. Снилось зима и одиночество.

В теплой золотистой квартире утром субботнего дня прозвучал ультимативный отказ гостю:

– Никакого Кузьмы. Одни поедем и посмотрим.

– Митрич, ты что киваешь, договорились, Крапивины, у вас сговор против гостя. Это я пока в вашем городе гость.

– Ты в нашем городе, что посмотреть хотел, какие, говоришь объекты. У нас есть музей, памятники героям, несколько. Дальше... заповедник. Природа красивая. Выбирай, куда скажешь съездим.

Он примерял руки к рукавам свитра, прицеливал голову, собираясь надеть.

– Да давайте, поехали, природу поглядеть, По дороге сориентируюсь. Хочу северное сияние увидеть. Я по датам посмотрел – сегодня будет.

Георгий уже спешил к вешалке.

– Врут даты, не-а, нет, не будет, не засияет, – как пёс мотал щеками Дмитрий и накидывал дублёнку.

Последней в коридоре засуетилась Елена. Она надевала пушистую шапку, возникала перед зеркалом. На той стороне, в зеркале, женщина, немного не такая, как Елена. Её более стройное и бледное отражение фиксировало профиль, покусывая губу. Елене не понравилась та женщина в зеркале. Она сняла неудачную шапку, но не отчаялась найти что-то получше, в чём она особо хорошенькая.

– Ля-ля-ля, – пела она непонятный мотивчик на детский манер, немного картавя. Ей нравилось так петь.

Примеряла другую, на это раз рыжую шапку, похожую на дохлую лису. Вытягивала перед зеркалом верхнюю губу. Та, что пряталась в глубине зеркала замирала.

– Ла-ла-ла, не пойдёт. Где-то чёрная у меня была.

– Мадам, уходим, – потянул за рукав муж.

Мороз сковал север. Люди шли вопреки условиям природы.

– Жена, а что, зелёное к красному подходит? Ну ты нарядилась, как светофор. Красная шапочка. – Дмитрий говорил, выпуская белый пар. – Да и холодно в вязаной шапке. Чем ты думала?

Обходя урну, набитую окурками, плюнул в выпирающие помои.

Елена приняла плевков на свой счёт.

– Другую шапку купи, умный такой. Она манерно обижалась, говорила негромко, огорчаясь позору при свидетеле.

– Ленка, он купит, он не жадный. Заработает на туризме и купит. Всё у вас будет.

– У нас и так всё есть. Я на ремонте зарабатываю неплохо, а с тобой пока так, балуюсь.

Возражать вслух не стал, вот они какие, у них всё есть.

«А со мной балуется! Да это самое главное для людей: дружить, общаться, встречаться лицом к лицу, чтобы увидеть, как волнуется человек или радуется, да просто ржёт как дурак. Как объяснить им это, как достучатся? Я им жизни нормальной хочу, они не хотят. Называется друг. Друг! Хоть бы просто поддержал. Кто им сказал, что надо жить и лучшего не знать. Примёрзли тут в своих конурах. Не понимают! Хорошо, Кристина у меня другая, я с ней так не мучаюсь.»

Возникшие красоты севера пресекли поток взбудораженных мыслей. «Вот это красота!»

– Останови. Тут, тут, стой, – махал он и кричал.

Машина остановилась.

Гарин побежал, вверх и в стороны раскинул руки, кружится, как снежинка. Взгляд поспешил на холмы, перескочил на снежные заносы, барханы белого-белого.

Вернулся к друзьям. Одной рукой схватил Елену, другой Дмитрия, пытался их кружить. – У-у-у-у! О-о-о! Хорошо – о! В лесу места отменные. Надо сюда людей водить. Вечером расскажете мне про местные традиции и кухню, Лена, будь готова.

– Какую кухню, Жора, успокойся, – с видом старшего уравновешенного отвечал друг.

Дальше к холмам деревья росли лысоватые и низкие, как мутанты. Снежные холмы слепили белым, изгибы увлекали вдаль.

Вынув из кармана диктофон, Гарин записывал неторопливую жизнь севера.

Он записал молчание тишины, секунд несколько, не выключая, продолжал запись голосом:

«Снег и сугробы. Кругом снега. Видели ли вы такую тишину? Слышали когда-то шаги севера. Тихо. Я слышу, – он значительно понизил голос, потоптался на месте, создавая колкий морозный хруст, набрал в крупную ладонь комков снега, сжимал и хрустел им. Звучал хруст, подвывал ветер, в ладони таяли снежные кристаллы.

На приличном расстоянии от Гарина топтались супруги Крапивины, их силуэты, частично провалившиеся в снег, ругались, издали напоминая гавкающих собачек.

Дмитрий махнул, мол, подожди, бегу к тебе. Косолапо побежал. Георгий разглядывал далёкие холмы, пытаясь угадать, что там, за ними кроется.

Но вместо холмов перед глазами засияло, запрыгали зелёные вспышки света. Северное сияние! Как неожиданно. Такая же природа, но что-то изменилось и всё сияет. К разочарованию, Георгий обнаружил, что не владеет своим телом, тело лежит и не хочет шевелиться, сопротивляется приказам мозга.

«Встать, – говорил себе, – вставай, замёрзнешь, развалился, дурень! Всё интересное пропущу, проваляюсь тут».

Так, новость: говорить может, и всё видит. «Бывает, люди сознание теряют, когда северное сияние видят» – так рассуждал старый журналист. Похожее состояние, подняться на ноги не получалось. Ещё усилие. Никак.

Старый журналист возник над ним.

– Вы кто?

– Я Пифагор, – уверенно сказал старик, и поднёс к лицу Гарина ладонь, на которой подпрыгивала, пружиня половинная нота, нарисованная зелёным светом. Коротенький хвостик ноты весело подвигивал.

– Математики теперь нотами заведуют. Меняется жизнь на свете.

– Математики силами звёздными заведуют, – отвечал Пифагор, не раскрывая рта, – цифра, буква, звезда – символ. Нота – образец, – говоря ту фразу, Пифагор распевал гласные, – раз, два, три, четыре, считал, гипнотизируя сияющую ноту.

Из ноты дымком полетела музыка, изворачиваясь от дуновения ветра. Теперь Гарин не только видел, но и слышал музыку: мелкой дрожью прокатилась по рукам необъятная радость, наступая ей на шлейф, поплыла по лицу грусть, – Гарин закрыл глаза, мотал в такт головой, гитарным звоном зазвенело любопытство, дёргая и щекоча внутри, под рёбрами, используя ребра вместо струн.

Звук перерос в непрерывную нежность, стремглав полетел вверх, также кружась струйкой зеленоватого цвета. Звуки нежности разрывали пространство, обгоняли время, открывали дорогу в космос. Космос томно манил, затягивал в необъятное пространство звуки и смыслы.

«Мне образцы нужно собрать. Образцы, ноты». Зелёное свечение прекратилось, его будто отключили.

Супруги Крапивины стояли шагах в двух-трёх. Елена преградила дорогу мужу, схватила его за грудки, сама заглядывала на распластанного на снегу Георгия: открывает ли глаза, дышит ли. Через сжатую гортань ругалась:

– Гад такой. Со всей дури кулаком. Ты разберись сначала. Ты куда ударил? Кулаком в голову. Так убить можно.

– Не убил бы. Он в шапке. Это ты виновата, ты меня накрутила. Я тя спрашивал, не врешь?

– Не вру, не вру, это правда, – передразнивал Дмитрий, изображая писклявый женский голос.

– Не ври, я не так разговариваю. Я тебе уродка писклявая?

– Что это было? Северное сияние? – прервал супругов Георгий нехарактерно для него большим ослабленным голосом.

Он уже сидел на снегу, придерживая себя за колени.

– Тебя друг твой звезданул, – зло ответила Елена, отгораживая от него Дмитрия маленьким телом.

– Смешно, если бы не так больно, – обеими ладонями взялся за голову, растопырил пальцы, – башка болит, – народ, что с вами.

Молчал друг. Он стеснялся, жалел большого, сидящего на снегу, сильного, ужасно уязвимого в своей больной слабости.

– Я ему сказала, что люблю тебя и мы любовники, – растягивая слоги и гнусавя проговорила женщина странную фразу.

– Ты дура, ты что говоришь, это друг мой, – я, говорит, пошутила, – тонким голосом изобразил голос жены.

– Что-что?

Ещё не забыт Пифагор, его ноты, образцы, а тут надо понимать семейный скандал.

– А я при чём? – спрашивал он, обращаясь к деревьям, делая лицо рассеянного интеллигента.

«Чем старше становишься – тем меньше друзей. Такова жизнь».

Ему хотелось подальше отсюда, от ссор и глупостей. В нормальной тёплой обстановке обмозговать всё, что случилось. И главное, чтобы голова так сильно не болела. Ни разу в жизни так не болела голова. Умереть можно от такой боли.

Шаг за шагом к машине в полном молчании. Согретая голова успокаивалась и лишь немного ныла.

Глава 3. Возвращение в Калининград

Дома Георгия ждал концерт. Концерт, которого ждали и боялись мама и сын, год готовили к нему выступление.

Приливы радости играли в мелодичном голос Кристины:

– Жор, Жора, – после концерта чаепитие, будем отмечать, ты с нами. Ты пойдёшь на чаепитие?

Она, раздёрганная торопливыми сборами, взбивала мокрые волосы, потряхивала головой, обдувая сосульки волос из маленького фена.

– Да, Кристина, отлично. Я с самолёта и сразу чаепитие и сразу отмечать. Нормально придумала. Из всей фразы она уловила лишь начальное «Да» и то, что муж психует.

– Ой, какая бледная! – на неё смотрело замученное отражение в зеркале – женское лицо с зеленоватым оттенком, рассечённое у глаз тоненькими капиллярами, придававшим коже прозрачную цветность. Специально для мужа она дополнила:

– А, это свет такой. Новые лампы, они сберегают энергию, а не красоту.

– Жора, я не заставляю, не ходи. С твоей мамой ходим, я договорилась.

– А, да, конечно, с мамой! Идите с мамой. Вы ж подруги.

Кристина примолкла, не развивала ссору, не погружалась в толщу скандала.

Георгий принял молчание за наказание, оскорбился:

«Как она это умеет: снова виноват. Умеет. Дочка военного. Научил отец», – в короткой с собой беседе, он наклонял голову влево, возвращал назад, в завершении слегка кивнул.

«Что поделать, Кристина такая, выше меня, морально она выше всех. Она там, ближе к солнцу», – глаза сами поползли вверх, зрачки глаз почти спрятались за веками, – там солнце, там Сириус».

– Солнышко, я устал, – мягко произнёс он вслух. Веснушки на лице жены потеплели, повеселели на округлённых в улыбке щеках и она уже не бледная, хорошая и бодрая.

Концерт проходил в маленьком уютном Доме культуры, Георгий изрядно опаздал, выступления сменялись одно за другим.

Согнув большое тело в три погибели, пробирался по тёмному залу. О, как тревожился он, что пропустил выступление сынишки.

А вот и Владик. Осторожными мелкими шажками выходит на сцену. Стоит, держит микрофон, ресницы вниз, уши покраснели... Надо же, родные ушки. Как непривычно видеть малыша со сцены!

Толкая других, мешая просмотру, Гарин пробрался к Кристине, её соседка переместилась в соседнее кресло, он плюхнулся на освободившееся место.

Запел Владик, перед ним на экране шла презентация – камни плато Путорана, тундра, река и лес, затем тлеющие угли, полярное сияние. Такие слайды подобрала Кристина, не раз слышавшая о проекте мужа, где-то взяла очень качественные фотографии и в необычном ракурсе.

А Владик пел, не словами, но удивительными звуками, звучало немного в нос.

От непонятный красивых звуков голоса летит тепло и холод, прижигает до сердца тонкая грусть. Дрожал воздух, накатывали слёзы. Георгий прикрыл рукой лоб, чтобы сын не заметил радости-грусти. Песня лилась. Зал онемел, звуки уносили в космос. Баба Аня вытирала платочком щеки.

– Дорогой мой, родненький, солнышко моё, – шептал Георгий.

Владик подошёл к краю сцены, ближе к зрителям, в пиджачке и галстучке-бабочке, свернувшейся в бок. С двух сторон на сцену пошли остальные участники театральной студии, человек десять.

– Все ребятишки больные, – шептала чья-то бабушка за спиной, – бедненькие.

Дети выровнялись в шеренгу и забили в бубны. Родителям выдали маленькие колокольчики. По сигналу ведущей, родители подняли колокольчики и зазвонили. Это был финал концерта. Аплодисменты не заканчивались.

Георгий проводил Кристину через ряды зрительного зала, бардовые кресла осиротели, зрители вывалили на улицу под впечатлением.

В этот час день и вечер встретились – ещё светло и солнечно, а тьма подступает. Асфальт мокрый, воздух влажный. Свежей влажностью приятно делать глубокий вдох, и держать прохладный кислород в надутых лёгких, затем сбросить его лёгким выдохом.

– Владик, Владичек, Ты отлично выступил! Не побоялся! Ты был лучше всех, – на выдохе крикнул Георгий, любуясь нежным сыном.

– Талантище!

В улыбке Владика ещё дрожала недавно звучавшая песня. Прошёл после концертный вечер. Один из таких, что сохраняются в памяти на всю жизнь. Георгий, Кристина и Владик. Нешумная дружба на троих.

С чего началась эта дружба? Однажды двое повстречались в Канске.

Письмо, это подтверждающее хранилось у Гаринской мамы.

Глава 4. Любовь Георгия и Кристины

«Здравствуй, мама! Как у вас дела? Как бабушка и тётя Люда? У меня всё нормально, служу. Встаём в 6.00, Ребят много разных, есть с Кавказа. Они целуются при встрече. Это у них так принято. Вообще нормальные парни. Дружу с Димкой (про него я тебе писал). Он хороший.

Спасибо за посылку, особенно сгущёнку, Сладкого нам не дают. Питаюсь нормально, похудел.

P.S. В Канске много красивых девчонок! И ещё новые нарастают, хорошеют.

Всем привет! Всех целую, обнимаю. Георгий

24.02.2000г.»

– Духи, вешайтесь! – страшным криком встретила парней армия.

Ближе к зиме прошла начальная ошарашенность от перемены жизни. Служба потекла привычно: одинаковыми днями, если не украшались они собственными выдумками, шутками, стычками со старослужащими-дедами.

С утра спозаранку в казарму явился командир. Военный интеллигент, строгий, умный, душевно – понимающий.

– Рота, смирно! – Скомандовал дневальный.

В ноябре семья командира роты переезжала из двухкомнатной в трёхкомнатную, недавно освободившуюся квартиру.

– Здравия желаю. Нужен помощник, доброволец.

Он пробежал взглядом по обмякающим со сна молодым плечам и выбрал Дмитрия – широкого, державшегося мастеровито. Командир указал взглядом, и пояснил, что нужна помощь в перевозке семьи на новую квартиру.

– Слушаюсь, товарищ командир! – Георгий ошибся, подумал на него, стоящего рядом, указал командир.

Как шёлк скользил под ногами лёд, от боли в животе сжимали и расправлялись кишки, рождая жуткий спазм. Спасти от боли могла бы еда, но не такая, что едят солдаты. Настоящая еда, вкусная. В момент очередного приступа кишок Георгий увидел Кристину, дочь командира. Подметая комнату, она подняла мягкий взгляд влажных густо-серых глаз.

«Ты мне нравишься, – означала его улыбка, „как зовут“, и её тихое: привет, я Кристина».

«Привет, я Кристина, – каждый день бы слышал, и не надоело бы, – я хочу её видеть».

Долго по узкому подъезду таскали командирскую мебель. Он взял последнюю табуретку, улыбку оставил милой молодой хозяйке. Она протянула ему сушку. Мягкую, домашнюю, крепко крученную, вываленную в муке. Шёл по улице, жевал домашнюю сушку – ничего вкуснее не ел никогда, даже слёзы хотели выкатиться, он не разрешил, сдвинул скулы.

Шёл и жевал сушку и чувствовал себя дома или там, где он должен быть. На своём месте.

Кристину увидел, в другой раз, когда чистил снег, волоча рыхлую бело-серую массу широченной лопатой. Девушка обронила случайный взгляд, и ещё раз. После очередного случайного взгляда про себя заулыбалась. Веснушки выдали внутреннюю радость, они дико хохотали на её лице, дрожали рыженькими крапинками.

Таких хорошеньких девушек ему редко доводилось встречать в жизни. Была в школе Алёна из другой далёкой школы, её фотография как-то попала в их класс и гуляла, передаваемая пацанами из рук в руки. На ней жутко хорошенькая тонкая блондиночка Алёна, сложила пухленькие аккуратненькие губки, украшенная пышной модной стрижкой, и вся молоденькая славная мордашечка, хоть и фото чёрно-белое.

Фотография в результате путешествий по классу остановилась у Жоры. У него и прижилась. Немало раз он доставал «Алёну» из кармана, рассматривал, запоминал, какими хорошими бывают юные девушки, снова прятал в карман, пока не потерял.

Ещё одна очаровательная девушка повстречалась в поликлинике, куда он ходил классом на медосмотр. Там, из кабинета сдачи крови, выскочила тёмненькая, и не взглянула на парней,

она была постарше, класс, наверное, одиннадцатый. Стройная, симпатичная, тело лицу под стать.

И вот Кристина – третья такая миленькая, гармоничная, на редкость притягательная девушка. И даже Димка с ним согласен, говорит, «да, братан, хороший у тебя вкус». Тем более у Георгия при его красоте и росте был шанс надеяться на взаимность.

Через три дня удалось устроить встречу. Чего стоило насобирать денег, считая до копейки, хватит ли на цветы. Всё же большой букет роз! С букетом вперёд, улыбка до ушей, румяные щёки – бежал Георгий на свидание.

– Я не люблю розы, – вскользь, необидно сказала, а как кинжал в рёбра вонзила.

– Ну, что ты хотел, будет с ней непросто, – успокаивал тогда Дмитрий, звучала это ни капельки не утешительно, – вы все красавцы думаете, что с девчонками так просто – посмотрел и она у твоих ног. А нет, и вам красавчикам надо постараться.

– Я люблю тюльпаны, – сообщила Кристина подруге, громко, чтобы слышал Георгий.

Гарин не любил нотации и не любил капризы. Он любил розы.

Но как ждал он встреч с командирской дочерью, как торопился к ней. Не только он. Он видел, как приезжавшие к ней в гости двоюродные сёстры также бегут, кричат от радости, завидев конопатую ладную сестрицу. С ней приятно быть, говорить, ловить каждое словцо, смотреть, радоваться, что она есть вот такая.

«Да, надо постараться.» И он старался и даже слушался друга, чтобы быть при ней таким парнем, каких по мнению Димы, любят девушки. Ей не противоречил, не психовал, был до предела вежлив, ходил степенно, рассуждал толково.

Но когда сил для притворства не осталось, он оказался вдруг самим собой, тогда, именно тогда (он это заметил), она в него влюбилась.

«Я веночек сделаю,

Солнышко вплету»

Летом катались по Кану на моторной лодке. Страшновато, когда нос лодки задирается вверх. Но и освежает хорошо такая прогулка. По холодку приплыли на живописный зелёный берег, чуть прикрытый у реки кустами.

Слева хорошели коттеджи. В поле, напротив реки, мужик бесцельно гонял по кругу лошадь с жеребёнком. А справа ярко-зелёный луг, заросший клевером, пыреем, другими травами, кое-где цветами. Прогулялись вдоль реки. Желтым-желта поляна от одуванчиков. Аромат от них сладкий-сладкий. Кристина сорвала несколько. Расстелила покрывало. Внезапно она вскинула над головой платок, повязала на голову, не как косынку, под подбородком сделав узелок. Георгий заулыбался. Платок ей к лицу.

– Садись, научу венки плести, – говорила современная девушка-крестьяночка и открытым взглядом серых глаз предложение уточнила.

Георгий устроился рядом, подвинулся ближе. Она выбрала три цветка, провела руками по мясистым стеблям, как разгладила их.

– Берём три. Два больших, один маленький. Быстрыми пальцами она распушила мелкие лепестки.

– Это наша семья Ты, я, ребёночек наш. Сплетаем в косичку. Берём ещё один, вплетаем, ещё вплетаем, – плела веночек она с явным удовольствием.

– Это кто, уже друзья наши?

– Не знаю, родители, твоя мама, это папа мой.

– Да, похож, решил Георгий.

Девушка крепко плела семейный веночек из одуванчиков. Сплела из простых цветов всю их дельнейшую жизнь.

Георгий крутил у носа одуванчик. Ароматом трав, сладкой горечью благоухал цветок. На месте срыва беловатый след.

– Это что?

– Не знаешь? Это молочко.

– Вкусное?

– А ты бы всё ел, да ел. Это же горечь!

Кристина деловито достала бутерброды с помидорами, разложила на пакете. Из термоса прилетел аромат душицы и мяты.

В этот день солнце было ласковым, и ветер нежным.

«...Я веночек сделаю, солнышко вплету» – пела командиру из телевизора маленькая незнакомая красавица, теребила пальчиками бока сарафана.

Командир вздыхал, тревожился за взрослую родную девочку.

Русая девчоночка из телевизора бойко пела, а командир видел свою доченьку такой же маленькой и помнил, как старалась она петь для него, по его просьбе. Теплая нежность к родной малышке, уже взрослой девушке. За неё он волновался в миллионы раз больше, чем за жизнь собственную.

Возвращение на моторной лодке было не из приятных. Когда нос лодки поднимается, и вот-вот она опрокинется, и холодно, и ветер от скорости сильный ледяной, но вместе с тем радость души свободной, вместе со свободными полями, рекой и глубоким вечерним воздухом, в котором нет запретов.

А дальше служба. Впереди полгода до дембеля.

Как в огромных лодках, шагал солдат в сапогах большого размера, смело рассекая им воздух военного городка. За ним следом шагал друг – Дмитрий Крапивин, за ними все остальные. Служба шла потихоньку. Шесть тихих быстрых месяцев. Потихоньку прошло полгода, служба закончилась.

Через год, в такой же ласково зеленеющий июльский денёчек, дочь командира согласилась стать женой Георгия. Тонкая и звонкая в невесомом белом платье. Невеста.

Серый костюм элегантно облегал тело. Жених спешил с огромным букетом роз. С другой стороны в здание ЗАСГа бесшумно, мягкой, как у ящерицы, походкой вошёл командир. Скромно за спиной прятал букет розовых тюльпанов.

Жених-солдат и отец-командир встретились. Отец на глаз измерил душевные качества зятя, и что-то так засомневались его глубокие серые глаза, ненатурально большим показался объём душевности. Мелькнуло в этом и неродное, и опасное.

Умный человек про глупость промолчит. Отец молчал весь вечер, невольно обижая этим молодых.

Прошло немало разных лет.

Канск, встреча, молодость плотно покрыты теперь плёнкой памяти, под которой им тепло, но бесполезно.

После выхода на пенсию, командир перебрался в Москву, а Георгий в любом городе, на любом расстоянии улавливал чёткие импульсы командирской антипатии. И пьеса семейной жизни развивалась под этими строгими импульсами.

В молодой семье случилось пополнение.

Мальш родился, и командир явился. Заглядывает на внучка, на дочку, за плечики её как-то жалостливо обнимает, слегка поддавливает, гладит по золотистым локонам и как плакать хочет.

Вскоре все плакали. Через пару недель после выписки из роддома Кристина подозревать стала, не в порядке сынок. То ли не слышит, то ли ничего не понимает. Пришёл участковый врач, накрывая кровать, хлопал в ладоши, поднося их поближе к ушкам, а Владик только улыбался.

– А, улыбаешься, да, – кивая, напевал врач младенцу, – с умственным развитием порядок, – а слух... выпишу направление.

И начались мытарства, борьба со врождённой глухотой.

– Он понимает музыку, улыбается. Вон рот беззубый. Как радуется, когда пою. Жор, видел? – восхищалась любимцем Кристина.

– Это он тебя понимает.

– Почему меня, и тебя, улыбнись папочке. – Кристина налила запаренный чай в толстостенные кружки с мощными, объёмными ручками, остренькими сверху. Взрослые смотрели на ребёнка.

Широкий ротик озорно открылся. Малыш смеялся.

Молодая мать торопилась перевернуть скворчащие гренки, сняла с плиты булькающее пузырями молоко, потянула ложкой пенку. На ходу дела делала, на ходу говорить успевала:

– Непростой у нас малыш, талантливый. Он музыкантом будет, – уверяла жена.

Синим пламенем гипнотизировали газовые горелки. Отец командир будто находился рядом и слушал, внимательно так слушал. И даже мелькнуло на миг в свете голубого огня его строгое лицо.

Командира вскоре похоронили. Крепкого с виду мужчину сразил сердечный приступ. Полгода Кристина успокоиться не могла, каждый день папу вспоминала, во сне плакала, громко, и муж слышал. А чем ей поможешь?

– Кристиночка, хватит уже, – закатывал он глаза:

«Что, командир, что сказать ей в утешенье. Ты слова такие знаешь?» Командир непременно знал и утешил бы доченьку, да не жил теперь на нашем свете.

Глава 5. Спортивные будни

Детские улыбки помогали веселее жить. Тренеру улыбались сразу несколько детских мордашек. На тренировку им не хотелось. Во время тренировки всё нравилось, после испытывали лёгкость и радость в теле. Елене Борисовне не просто. Пришли бы во время на тренировку, а там уж пойдёт, пойдёт. И рассказать надо, какие победы в жизни сулит им спорт. И удивить своими же возможностями.

«Красный – цвет прекрасный

В алом платье скрыла

На любовь надежду

В летний день ненастный»

Стихотворение Елены, опубликованное в интернете.

В светящем красным спортивном костюме Елена Борисовна вела тренировку в небольшом мрачноватом спортзале с крашенными в бледно-жёлтый чугунами батареями и такими же стенами. Пахло ржавчиной и спортом.

Дети разбежались, кто куда, подверженные весеннему потеплению, пуше прежнего оживились. Неожиданно среди пацанов родилась драка. Маленький очаг кулачного боя. Он разгорался всё больше, крепче удары, дрались уже все. Образовалась куча пылящих сопящих краснолицых бойцов. Центровые пацаны дрались активнее, другие тоже пытались выделиться. Тренер вытащила из возящейся кучи худых юных борцов главного зачинщика, рывком подняла его за руку. Он оторвался от пола, но всё ещё дергался, не в состоянии быстро успокоиться, сражается с невидимым врагом.

– Ребята, мы команда, – резковато говорила тренер Елена Борисовна своим подшефным, когда те утихомирились. – Мы команда и должны помогать друг другу. Не драться! В словах она грубо выделяла «А», другие гласные проглатывала, от этого её речь походила на блатную.

– Елена Борисовна, мы знаем, – тихо проговорил маленький мальчик, у которого расплывались ладошки, когда он отжимался.

Она повернулась на этого, спокойного и скромного, пытаясь понять уловить смысл в больших радужках малахитовых глаз.

«Они меня не любят? Я для них стараюсь, людей из них сделать хочу...»

– Оказывается, с Еленой можно поговорить, сказал маленький мальчик вечером отцу, когда они ехали с тренировки. – Давай её подвезём в другой раз, она же рядом с нами живёт.

Во время следующей силовой тренировки Елена Борисовна не могла смотреть на потные ладошки мальчика и ничего ему не сказала.

Зеленоглазому не нравилось, что тренер его не замечает.

– Пап, я думал, что все женщины спортсменки хуже мужиков, они из себя строят злых мужиков. А так ещё хуже.

– Сынок, у тебя хороший тренер.

Долгий вздох на заднем сиденье вместо ответа. Парнишка прилёг виском на дверцу и что-то летало ясное в его мозгу, что отражалось в тихих пронзительных глазах.

Отец повернулся и провел рукой по детским жестким волосам, старался не отвлечься от дороги, но чуть не пропустил светофор.

В вечернем свете Елена Борисовна разглядывала своё отражение в окне спортзала и видела яркую грустную блондинку. «Нет, так не пойдёт, выражение лица менять! Чего доброго привыкну ходить понурой, пострашнее. Кому я тогда нужна?»

За её отражением двигалось другое. Со спины к ней приближался муж.

– Чего грустим, шутница, блин, – Дмитрий хотел выразиться круче. Но не при детях, – пойдём-ка дома поговорим. Он пошатывался, в цвете лица преобладал коричневый. Устал, мужик, намучался думами. Принял на себя всю вину в ссоре с женой.

Они вошли в квартиру. Стены встретили фиолетовым холодом. Он, она и сумасшедшая собака Арми.

– Я устал. Давай мирится, Кристина рассказала мне, я сам знал, ты всё сочинила. Не может так моя жена поступить. А я не могу без тебя. Я жить без тебя не могу.

– Поцелуй меня в щёчку, – неслышно сказала Елена. Раздалось чмокание, – теперь в другую. Ещё раз целуй, да. Теперь в носик, – Елена совсем рассталась с оболочкой злого «мужика» тренера.

Оба умиленно улыбались, согретые теплом больших батарей.

Глава 6. Продолжение проекта друзей

Увлекательной, весёлыми и грустными сюрпризами бурлила работа в турфирме. Георгий знал больше других, быстрее разбирался, как построить маршрут, что сработает: обед ли в ресторане французской кухни или двадцатиминутная прогулка по реке возымеет действие. Понятно, что не первый раз маршрут разрабатывал, но знал он такое чего другие, опытные и подумать не могли. Откуда он знал? От интуиции. И от жены. Предсказания жены регулярно сбывались, оба тогда приходили в восторг, а Георгий, ухахатываясь, рассказывал коллегам. Далеко не все смеялись вместе с ним. А он не замечал, какое до этого дело. Смешно же, весело.

Смех Гарина передавался офисным предметам – принтеры, ноутбуки, прочая техническая помощь, стряхивала пыль, дрожала под общими ударами смеха. Канцелярия тряслась, тоже помогала туристскому юмору.

В этом офисе двое придерживались серьёзных взглядов на туризм. Один глубже тянул руки в брюки, приподнимал их за карманы, вставал на носки. «Мне безразлично», – говорил его вид. Блестящие, в стороны торчащие носы ботинок поднимались, ботинки падали на пятки, подтверждая равнодушие.

«Мне возмутительно, вы так ржёте! Вы взрослые люди, вы как дети!», – Осуждала смешливых турработников девушка лет семнадцати, устроенная экскурсоводом на лето.

– А я им рассказал, как обезьянки макали картошку в солёное море, Солили и сжирали. Вот так... Ам-ам-ам. А вожак серьёзно а-а-а- аммм, – Георгий натурально изобразил вожака, с настроением обезьяней серьёзности.

– Жорка, артист ты, талант! – коллеги невольно вскинули брови, повтор обезьяньей сценки. Опять дружный смех.

– Да не-не, ха-ха-ха-ха. Это не я, Кристина придумала.

Вытирая рот продолжал смеяться.

– Правда? Так туристам показывал?

– Нет, конечно, пошутил...

В дни подготовки к концертам Кристина все свободные минуты посещала пению сына. Наблюдала за его самочувствием, питанием, потчевала разнообразными кашками, запеканками из овощей, эстетично оформляла на тарелке, и этим тоже она хотела привить ребёнку хороший вкус.

Гарин-отец углубился в свои дела, не оставляя без внимания собственный проект. Его не покидала мысль, что друзья, чтобы дружить, и он докажет это через туризм, музыку, песни, через всё что хотите.

И скажет: «Нате, получите, моя правда, зря не верили.».

С Крапивиним помирились. Сама Крапивина продолжала игнорировать, не отвечала на звонки, во время разговора по телефону всяческими, хитрыми уловками, типа «он, мне плохо, у меня сыпь» мешала разговору. Что вызывало опасения: сыпь и недомогания разные от звонков. Старались им звонить реже. Пытались угадать время возвращения с работы, когда Димка в дороге.

Гарин так не привык, он не привык церемониться. Надо позвонить – значит надо, забывался. Вытащив из кармана телефон, Георгий зашёл на страничку Елены на фейсбуке и написал:

«Лена, ты дурра!». Подумал и стёр.

Снова написал:

«Лена, зачем ты придумываешь про меня глупости? Что за идиотские шутки? Зачем ты наврала, что мы с тобой любовники? Ты отвращаешь от себя, женщина...».

Эти корявые фразы хотел было отправить в письменном виде через интернет, мимоходом взглянул на фотографию – Елена с медалью на трехполосной ленте. Он вспомнил сжатые кулаки и сжатые челюсти, даже когда она просто разговаривает – она их сжимает. Вспомнил точную, как у хищника меткость глаз. И стер всё сообщение. «Ай, толку я пишу. Мадам, разомните челюсти...». Тут же телефон в его руках ожил звонком:

– Здравствуйте, мы насчёт путёвки застрекотало в трубке.

И менеджер по туризму вспомнил и своё призвание по жизни, и клиента, особенно приметного – у него рыжие волосы, такого же оттенка куртка. Рыжий как раз звонил в этой куртке. Он редко с ней расставался.

«Наверное, красит волосы. Смотри какой, куртку типа долго подбирал, точь-в-точь оттенок с волосами совпадает! Бывают же такие парни манерные.»

– Да – конечно, вас помню.

Гарин многих помнил, и его не забывали. А этот напрягал в отличие от многих. Этот скрытный и хитрый. Маленький тощий и хитренький жук. Рыжий жук.

Маршруты экскурсий и их содержание разработал Георгий – он специалист по этой части. И по части приглашённых специалист, если бы в его городе, он мог собрать более-менее значительную толпу и привести их к месту экскурсии и убедить, что ему надо помочь, что надо с ним пойти и это будет интересно. Толпа знала – с Гаринным всегда интересно и шла. В чужом городе он понадеялся на друзей: «Просто соберите людей. Расскажите, что больше такого шанса у них не будет. И это правда. Никто их бесплатно развлекать не станет. Тем более „сдруживать“ друзей. Это никто никогда не делал. А мы сделаем.»

Чем заманивали людей Крапивины – остаётся гадать, но никаких других друзей, кроме воспитанников спортивной секции найти не смогли, вернее все отказались. И этих пришлось

убеждать, особенно досужих родителей. Лена пояснила, что идут они в спортивный поход для укрепления командного духа. Одному из пап на собрании выражение «командный дух» пришлось по нраву. Восхищение подхватили другие родители.

Спортивный поход состоялся. Елена, Дмитрий, Кузьма отработывали маршрут экскурсии с первыми юношами.

Часть пути ехали в автобусе. От окон несло холодом.

Пацаны лежали на сиденьях, задирали ноги, толкались, скучали. Для укрепления дружбы детям предложили игру, команда отвечает на вопросы об истории города.

– Елена Борисовна, пусть он сам отвечает, – возмутился самый низенький, втягивая шею в плечи, поглаживал себя по макушке.

Самый мелкий Даня подсмотрел ответы, с дерзким вызовом в голосе сообщал их экскурсоводу Кузьме. Кузьма не замечал подвох. Не выдержал Дмитрий:

– Даня, ты мухлюешь!

– Дядь Дим, я для команды стараюсь! Даня закинул прямую ногу на спинку соседнего кресла, вторую подогнул.

«Хорошая растяжка», – про себя отметила Елена, снимая действие на видео.

А он в упор глядел и своё кумекал.

Подозрительной личностью считал Данил тренера Елену Борисовну: «Она такая маленькая, может ли она сама сделать то, что от нас требует на тренировке? Не уверен. Маленькая тётя, как будто она девочка тринадцатилетка, она крикливая. На самом деле у тренерши непонятного возраста есть муж. Солидный дяденька. Интересно, она ему нравится? Он ей верит? Взрослого обмануть легко. Но меня ты не проведёшь.». Ногой он толкал сидение перед собой, парнишка перед ним получал удары в спину и молчал, как так и нужно было. Удары усиливались.

– Данил, не стучи!

Данил оглянулся на взрослых, перестал.

После сегодняшнего знакомства с солидным мужем Даня немного больше начал уважать тренера. «Возможно, она неплохая женщина, раз у неё такой солидный муж. Но расслабляться нельзя, кто знает, что там у неё на уме. Она и солидного мужа легко обманет. А он ей, похоже, верит.».

Данил подпрыгнул.

Вместе с автобусом все подпрыгнули на очередной кочке, особенно ребята на задних сиденьях. Они громко заржали, а Данил намеренно смеялся громче и дольше, как будто знал что-то особенное, чего никто не знал.

– Вы видели, слышали северный ветер, – таинственно заунывно произнёс Кузьма.

Пацаны недоумевали, заглядывали в окна. О чём говорит худой? Почему загадочная пелена заволочла правый глаз, левый глаз такой же таинственный скрыт за орлиным профилем лица. Лицо почти без мышц. Кожа наклеена на скулы. Парень стодился бы для изучения костей черепа.

Худой продолжал монотонно и назидательно. Зачем-то рассказывал о природе севера. Известные факты, про дневные и ночные температуры. К температуре -25 градусов прибавляет силу ветра 10 м/с и умножает на два. Получает 45.

Зачем получает? Но пацанам интересно, есть в этом непонятная интрига.

Дорога закончилась. Маршрут пролегал по лесу. Протоптанную заранее тропинку замело.

После поездки на автобусе топали по лесу. Ребятам дали лопату, чтобы разгрести снег. В лесу было сумрачно, дети проваливались в снег выше колен. Сперва их это смешило, они валялись возили вытянутыми ногами и руками, налетали друг на друга, сшибая. Разом устали.

– Когда костер? Мы замёрзли, – ныли ребята.

Ниоткуда у экскурсовода Кузьмы возник компас.

– Смотрите, парни, стрелка на север, – по компасу умеете ориентироваться?

– Не, мы по навигатору не умеем.

– Какой в тундре навигатор! – Разозлился на молодёжь Кузьма.

– Держим северное направление. Направление ветра так...: тоже северное. Поэтому холодно.

– Догадливый, однако, наш экскурсовод, – горячо шептал Дмитрий жене.

– Для них само то, – в ответ шептала она.

– Северный ветер – холодный и злой. Голодный и злой, – продолжал Кузьма совсем не по тексту.

От слов Кузьмы лес затомился, монотонно раскачивались кроны деревьев. Жуткий звук шёл с ними, немного позади. Сквозь ветра гул и ночи мрак пробирался отряд туристов.

Среди леса развернулась ширь неба: группа вышла на открытое место, обзревала дали. И все чего-то ждали.

И вдруг вспыхнула, засияла зелёным северная тишина.

– Ой-ой! Ух, ты, полярное сияние. Вот это да! – кричали пацаны и прыгали. Даня скинул куртку и закружил, как маленький вертолёт.

– Данила, оденься, – окрикнула Елена Борисовна.

Дмитрий радовался реакции на эффект: хоть что-то получилось. А то скучь кромешная.

– Это только имитация, – зашлёпал пухлыми губами остановившийся Даня, остановив общий восторг. Пацан понял, что не зря подозревал тренершу. Чего ещё от неё ждать?

Но опять запрыгала детская толпа, сильно истомились они по веселью.

– Даня такие слова знает? Чудеса, – вслух удивилась Елена Борисовна.

Отступление от смотровой поляны происходило под звуки губной гармошки. Специально нанятая для того дама (не единственный посторонний) с ней две молодые, вертлявые, одетые в чёрное, ещё в каких-то капюшонах поверх шапок. Все трое под звуки губной гармошки уводили ребят в лес, за ними следовал Кузьма, Елена с камерой и Дима, разочарованный происходящим.

Шли по узкой тропинке гуськом. Экскурсия стала напоминать траурную церемонию. Тонки косички «гармонистки», как указатели взмахивали то вправо, то влево.

– — Ой, что-то там на деревьях! Даня первым заметил подсветку. – Под лампочкой что?

Мальчишки оживились, побежали к первому подсвеченному дереву. Под лампой групповая фотография рябят, спортсменов из городской секции. Ещё. Ещё.

– Кто такие? Это Глеб, это Прохор, я знаю их. Дальше, побежали туда! Где же наша команда?

Ребята углублялись в лес, где было мрачно. Внезапно дети скрылись за серо-коричневой стеной леса, разлинованной стеблями деревьев.

– Стойте, куда! Кто разрешил! – по очереди кричали взрослые.

Похожие на злых гномов пацаны поочерёдно вытаскивали одну, вторую ногу из сугроба, бубнили:

– Нам зачем лохов этих смотреть. Да, они мелкие. Где наша команда?

– Фотография юных кикбоксёров висела на последнем дереве с подсветкой. Дальше полный мрак. Все остановились.

– Пацаны заметно завеселели:

– А это мы. А кто ещё будет смотреть, кроме нас?

– Почему мы последние!? – возмутился бойкий крепыш Даня. Понятно, об этом надо рассказать отцу. «Сегодня скажу, как она нас обижала, не уважала, мы для неё последние...».

– Господа, нашу экскурсию прошу считать оконченной! – ораторствовала одна из чёрных.

– Ура! Ура! – закричали мальчишки.

«Бред несусветный», – сказала Елена, выключая камеру.

«Надо подработать, будет получше», – размышлял Дима, – особенно если взрослых с детьми водить. Но кто за это деньги платить согласится?»

– Да мы хотя бы попытались... – сам себя уверял неуверенный Кузьма уже в тёплой квартире.

Три пятна ламп в люстре погасли. Кузьма остался в оболочке комнаты, за окном молчали тёмные просторы. Он вспоминал губную гармонь. Девушки – «гармонистки» остались в памяти донельзя привлекательными. «...и с косичками которая, так старалась, так играла. И девушка... и женщина красивая, так играла. Играла. Играла.

И Крапивин помнил образ гармонисток. День выдался тяжёлый, щеки стекали вниз, губы распухали в полудрёме, слипались веки. Жизнь погрузилась в сон.

На следующее утро, толком не позавтракав, лишь перехватив бутербродов и глотнув на ходу кисловатого кофе, доложили Георгию:

– Полтора часа ухряпали, сами в лесу ухряпались. Детей заморили, хорошо не заболели.

– Сделали! Записали! – Радовался в трубку Георгий. – Ну молодцы! Не переживай, братан, я найду кому продать, всех клиентов подниму. Девчонки рекламой займутся. Пусть поработают. Включайте ваше сарафанное радио. Работайте, ребята, мы вместе идём, к одной цели.

– Вообще-то пишут, что иностранных туристов не интересует Красно-ярский край. И в принципе туристов.

– Да не надо, дело не в крае, а в дружбе и космосе.

Гарин посмотрел на небо. Не видно днём планет и созвездий. Но небо, такое ясное, разливает свет над городом. Поёт золотисто-голубое настроение. Настроение укрепило убеждение. Говорят, что сила в правде. Значит, правда в дружбе.

Глава 7. Приключение на крыше

После спортивной экскурсии Елена Борисовна вновь объявила родительское собрание в секции, надеясь на хорошие отзывы детей, собрать группу родителей, чтобы хотя бы рекламу записать. Пришло несколько мам и те были не в курсе, что за спортивный поход и зачем он детям. Из коридора нарастал стук деревянных каблучков, к беседующим дамам направлялся отец Данила. В мощной дублёрке, отороченной овчиной и беспокойными кудрями волос он смотрелся боярином солидная фигура подчёркивала дух старого времени.

– Данилу не понравилась ваша затея. Мы с женой против глупостей в секции. Какие такие походы, если вы потеряете ребёнка, он у вас замёрзнет, поморозит руки, уши. Кто за это ответит? Понятно вы отвечаете, но ребёнку здоровье вы сможете вернуть? – нараспев внушительного размера человек. И мамы притихли.

– Не будем, не будем, раз все родители против – отменяем, – растерялась Елена Борисовна, – я не настаиваю.

В Дом друзей притащили стол. Тяжёлый, старинный, с резной столешницей. Его привезли от бабушки Кузьмы. Станный парень утверждал, что стол его прабабушке подарил купец Гадалов, что она служила в семье и за хорошую службу в день свадьбы была одарена хозяином. Пусть так. За столом Дмитрию думалось, а Кузьме рассуждалось.

В тот день Кузьма готовил чай, как сам любил с молоком. Разлил кипяток по кружкам, забелил, недовольный, что приходится прислуживать, кривил мину.

– Смотри, Кузьма, поступаем так. Из квартиры будет выход на крышу. Оформляем его. Оформляем в форме прозрачной лестницы, – Дмитрий сверился со своей схемой, которую держал под рукой. С крыши город будет совсем не видно. Мы создадим такой эффект. Прямоугольные и квадратные ограждения покрасим в русский народный – можно чёрный, красный, золотой. Вот так это выглядит.

Он подвинул к собеседнику цветную схему с разновеликими прямоугольниками, хлебнул пару глотков горяченького, утёрся.

Кузьма тянул к себе и схему и кружку с чаем, навис над столом, сосредоточил мысль. Красный и чёрный даже в маленьком масштабе смотрелись удручающе.

– Может заменим по цветам. Белый и голубой. Гжель!

– Давай так. Но летом небо голубое, сливаться будет.

– Гжель – гжель, сказочная гжель, – затрубил приглушённым баском Дима Крапивин.

Отмечая про себя, как смешно поёт начальник: и слуха у него нет совсем, и голоса, вслух вскрикнул:

– Это только летом, не каждый день у нас лето голубое. То есть небо.

– Подумаем. Белый, голубой – им закрыть пространство. Над головой только небо, плывут облака, никакого страха высоты.

– Зачем нам страх?

– Не нужен. Спокойствие, умиротворение. Сидят на креслах – качалках. Глазеют в небо.

А перед ними золотой квадрат отражает солнце. Смотри и радуйся. Пол сделаем ступенчатый.

В приятной мечте город нарисован карандашом, стёрт. Он рисовал мысленным карандашом землю, круглую, приплюснутую с боков. Покачиванием головы стёр моря и океаны. Земля стала корявая, жуткая.

– Да ну, упадут, люди, запнутся. Я бы упал.

Крапивин вздрогнул, увидел как люди пробираются по страшным рывинам земли. И очнулся: мы не про то говорили. Резонно поддержал тему:

– Ты бы упал. Но мы не про тебя. Хорошо ты. Ты тоже возможный клиент. Делаем пол ровный. Он жирно прочертил карандашом на своей схеме, разглаживая линию пола. По старинке рисовал сначала на бумаге.

Через чердак они поднялись на крышу. Смотреть вниз было жутко, особо, если подходить близко к краю. У края Кузьма пытался схватить за руку, но Дмитрий вырвался, спрятал руку в карман.

С высоты город казался маленьким и милым, рассыпанный горстками домов, деревьев, разглажен ровными полосами дорог. Теплое серое небо казалось ближе, что можно было рассмотреть, каким рисунком накручены, набрызганы на нём облака. Солнце также приблизилось к уровню взгляда и не казалось теперь таким недосыгаемым.

– Всё у нас получится, Кузьма. Каких мы с тобой дел наворотим.

Высота немалая, если с такой полететь.

Кузьму знобило, от страха и холода он не реагировал ни на слова, ни на величание пейзажа крыш. Он оступился, качнулся и пойман был за талию.

– Ты что меня как девушку трогаешь! – огрызнулся он на спасителя.

А сам мёрз, дрожал, желал оказаться в тепле своей комнате или хотя бы за огромным столом, некогда принадлежавшем прабабушке.

– А ты не падай, – без интонации, ещё под впечатлением от видов, сказал лишь бы сказать, Дмитрий, – получится, ремонт отгрохаем.

В Калининграде лил дождь, что нельзя рассмотреть ни города, ни встречных, и только шагать наглухо закрытым в капюшон с огромным зонтом над укутанным телом.

Гарин влетел в квартиру в мокрой куртке, расстегивал её с таким шумом и треском, что всполошил появлением жену и мать. В их женском окружении витал аромат лилий.

– Так, девчонки, вам решать, чем туристов кормить будем? – принялся, – откуда духами пахнет?

– Я знаю, чем кормить. Твоя мама научила меня стряпать брусничный пирог, будем пирожки печь и запивать их кисельком.

Георгий шарил взглядом по комнате, искал источник нежного ароматного цветка.

– А? Это от освежителя воздуха пахнет? – подала голос Анна Ивановна, сидевшая за шкафом, из-за которого торчали её молодожаво-стройные ноги, ничуть не хуже, чем были в юности.

– Мы печь, туристы киселём запивать, – поправила она невестку.

– Отведайте туристы моих пирожков, попейте моего киселька, – Кристина приняла позу Алёнушки из картины Васнецова, сделалась похожей на девочку.

В комнате поочерёдно заулыбались. От женщин улыбка перешла к мужчине.

– Как вы так женщины меняться умеете в лучшую сторону? Ух, как жарко. Как в летнем саду!

Развёсёлый и раскрасивый Гарин внезапно рассмотрел на щеках жены толпу весёлых веснушек, наскაკивавших друг на друга, прыгающих вверх- вниз, когда она говорит и тут же смеётся.

Кристина хорошо знала о своих веснушках, а не прятала она их, не маскировала. Сегодня открытое лицо без капли смущения из-за мелких недостатков, казалось еще и симпатичнее и краше. Она умела смотреть умно и внимательно, и именно тогда когда человеку это внимание нужно.

В полумраке коридора обозначился Гарин, занял пространство расстегнутой объёмной курткой. Коридор сделался маленьким.

Георгий проверил, на месте ли сиреневая бабочка, Она на шее. Пощупал вместе с бабочкой ключицу, подумал: «Веснушки не такой уж недостаток внешности.» Он крутанулся, и как вихрь улетел, исчез за дверью.

– Снова убежал. Чего приходил-то, – недоумевала мать, – так и пробегает жизнь, – она так и не смогла привыкнуть к сумасбродности сына.

На удивление спокойно отнеслась к исчезновению жена. Реакция на движение без удивления, как просто пришёл и просто ушёл, как будто зайти домой на минуту – норма поведения. Она спокойная мама у неё спокойный сын.

Она и сын – соблюдали свой режим и уклад. У мужа по-другому: регулярное заскакивание в квартиру, а ещё быстрее выскакивание из неё. Нормально, привыкли.

Не привыкла Анна Ивановна. Она крутила в голове недавнее поведение тридцати с лишним летнего ребёнка. Тонкие изящные дуги бровей проползли потихоньку вверх, там и замерли:

– Миленькая, ты его бы покормила, – обратилась она к невестке. А сама думала: «Как это ухитрится успеть?» – Зашёл – ушёл, надо же. Я заметить не успела – уже улетел.

– Это нормально, опять Гуси-лебеди похитили, Кристина всё ещё пребывала в сказочном настроении, в котором кисельные реки и пирожки с брусникой, – бруснику полезно кушать.

– Полезно, девочка, полезно, – мама медленно опускала брови, успокаивая себя думами про внука, – купи Владике после репетиции бруснички, пускай поест пацан.

Она эстетично положила худую маленькую кисть на красивую коленку, решила вновь красить губки. «Когда подкрасила розовой с перламутром, водитель автобуса смотрел на меня. Несколько раз смотрел. На меня и на меня, и опять на меня.»

Входная дверь с шумом распахнулась, в квартиру ворвался Георгий.

– Что такое, Жора, ты туда-сюда бегаешь!

– У Димки неприятности. Их на крыше закрыло.

– Закрыло? Кто закрыло?

– Не сказали, может ветром закрыло.

Похоже, Гарин не шутил.

Сообщив новость, он провалился за дверь.

– Папа приходил? – Жестами спросил сын.

– Ушёл.

Ушёл, а новость осталась. Её обсуждали женщины. Информация скудная, придумывали варианты. Хотели сами позвонить и узнать у первоисточника. Решили его не тревожить. Авось обойдётся.

Мальчику предалась тревога, он посмотрел в окна, пробежал по тёмном коридору, испугался, спрятался в своей комнате, с головой залез под одеяло. В темноте и духоте успокоился. Ждал. Лишь бы не плохие новости.

Вот что часом раньше происходило в Норильске.

Удовлетворённые осмотром крыши Дмитрий и Кузьма подходили к чердачной двери, откуда вышли они и поднялись на крышу жилого дома. Чувствовали себя превосходно.

– Двери нет, – сообщил Кузьма.

– Что ты мелешь!

Дмитрий протиснулся вперёд, в дымящую пыль и паром тьму прохода.

Дверь висела на месте, она плотненько закрыта на замок.

– Ты ключи не взял? – Дерзким тоном обратился Кузьма.

– Да она по жизни открыта была!

– По жизни? Ключи где?

– У Ленки.

– Телефон где?

– У Лены, – автоматом отвечал Дмитрий, – мой у меня. Чё ты орёшь на начальство! Осмелел, да, взрослый стал?

– Я и был взрослы-ы-ый. Я ключи не забываю. Забываешь-на шее носи.

– Да тут всегда открыто было.

– Ты жене позвони!

Начинало смеркаться. Темнеющее небо перестало радовать. Бухнувшись с размаху на покоцанные кирпичи, Дима набрал номер Елены. Гудок надежды на спасение запел в трубе, и вдруг – сброс. Тишина. Номер недоступен. Почему так?

Потому что Елену Борисовну посетила нервная дрожь. Дрожь стыда, что вовлекла в неясные проекты детишек, ей доверенных. Дрожь шла с Еленой Борисовной до магазина и после. С этой дрожью она вошла в квартиру, где стыдливое чувство обрело запах тухлятины. Елена сильная ослабела, переродила дрожь в рыдания.

На краю стола зазвенел телефон, от вибрации свалился на пол, вывалив на линолеум внутренности.

Лена телефон не подняла, рыдания усилились.

На крыше темнело. Стоят два одиноких и забытых. Для связи с миром у них телефон.

– Звони в МЧС, – кричал Георгий в телефон.

– Позорится, что ли? – Таким же криком отвечал друг – Сам звони, ещё в новостях покажут: «строители застряли на крыше дома».

– Пусть покажут, я посмеюсь. Маме позвони, пусть к Ленке ходит.

Дмитрий постучал кулаком по голове. Как же он сам не додумался! Через полчаса к всхлипывающей от долгих слёз Елене достучалась мать Дмитрия. Пожилая, несмелая, она путалась, волновалась, объясняла трескучим слабым голоском, что нужно найти ключи от чердака.

«В той коробочке», – вспомнила Елена, как рассказывал ей места тайных хранилищ аккуратный муж.

«В той коробочке» ключ не нашёлся. Не было его в сумке. Лена прошупала с одного бока кармана, с другого бока. Отыскала летнюю сумочку, вывалила содержимое. Содержимое упиралось, цеплялось за подклад. Лена психанула, сильно трянула сумкой. Больно ударив по коленке, полетели, покатались по полу дамские принадлежности. Терпела слабое нытьё ушибленной коленки, собралась с мыслями. Села.

Разобрала помады, ключи, бумажки, билеты. Время ужинать, хотелось есть. «Позднее есть уже не буду». Метнулась в кухню. «Какая еда, когда муж на крыше!». Опять рылась в первой сумке, перебрала её содержимое, разложила по карманам, тёрла ушиб коленки.

В носу щекотал незнакомый, гадливый аромат.

Ключи не находились. «В той коробочке!». Вперёд вытянула руки, как под гипнозом передвигается к коробке с нитками и иголками. «Ключ! Ты мой золотой!».

У дома собралось порядочно народу, глазевших на «заложников» крыши.

Чердачная дверь открылась, скрепя и грохая. «Заложники» крыши спасены.

Муж с женой, Крапивины шли обнявшись, скорбные, как страдалцы. Муж в подробностях узнал о причине плохого настроения супруги. Заплаканная вся, чумазая. Это не только с мужем связано.

– Лена, виноват Жора, его выдумка, а мы рады стараться. Как дурочки! Забегали, запрыгали. С какой стати мы людей должны собирать, сдруживание непонятное проводить. Я считаю, надо завязывать. Ремонт в квартире я сделаю. Особо ничего больше ему не обещаю. А он сам втягивает. Лена, и ты не должна. А тухлятиной от собаки может пованивать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.